

«Босые дворяне»:
наяры глазами венецианцев
второй половины XVI в.

Дмитрий В. Возчиков

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, catullus89@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается образ воинской кастовой группы наяров Южной Индии (главным образом города Кочин, древнего центра морской торговли) в травелогах двух венецианских купцов XVI в., Чезаре Федеричи и Гаспаро Бальби; сравниваются особенности восприятия этого сообщества глазами этих авторов, а также в текстах близких по времени португальских сочинений. Оба купца видели в наярах аналог европейского дворянства, благородных воинов, преданных своему королю, храбрых и презирующих смерть; оба отмечали использование ими в бою меча и круглого щита, наличие «общих женщин», постоянное хождение босиком. Сообщения Бальби о наярах отличаются большим вниманием к гипергамным связям наярских женщин и брахманов. Также Бальби старался вписать сложное индуистское общество в характерную для средневекового Запада трифункциональную схему. Хотя авторы венецианских травелогов во многом следовали португальским нарративным трафаретам, их описание сохранило ряд уникальных деталей повседневной жизни общества Кералы того времени.

Ключевые слова: наяры, индуизм, Керала, Кочин (Кочи), Венецианская республика, Чезаре Федеричи, Гаспаро Бальби, путешествия раннего Нового времени, ориентализм.

Для цитирования: Возчиков Д.В. «Босые дворяне»: наяры глазами венецианцев второй половины XVI в. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2023. № 4. С. 38–54. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-4-38-54

“The Barefoot Noblemen”:
the Nayars as seen by the Venetians
of the second half of the 16th century

Dmitrii V. Vozchikov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, catullus89@mail.ru

Abstract. The article deals with the imagery of the Nayar (Nair) warrior caste group in two famous 16th century Venetian travelogues. These accounts were written by the merchants Cesare Federici (traveled in the Middle East and Asia in 1563–1581) and Gasparo Balbi (traveled in 1576–1588). Their descriptive particularities are compared with the ones of some Portuguese accounts of South Asia. Federici and Balbi both linked their Nayar accounts to Cochin (Kochi), an ancient city, which thrived of maritime commerce. For the merchants, the Nayars seemed analogous to the European nobility, these recklessly brave noble warriors were always loyal to their king, despised death, walked barefoot, used sword and rondache in combat and had “common women”. Federici told about his personal communication with one of them. Balbi’s Nayar account is distinguished by his particular attention to the hypergamic relations between the Nayar women and Brahmin men. Balbi tried to observe the complex Hindu society of the South through the lens of the European trifunctional model. Although these Venetian authors proved to be partly dependent on the Portuguese descriptive pattern of India, their accounts contained some unique details of everyday life of 16th century Kerala.

Keywords: Nayars, Hinduism, Kerala, Cochin (Kochi), Republic of Venice, Cesare Federici, Gasparo Balbi, early modern travels, Orientalism.

For citation: Vozchikov, D.V. (2023), “‘The Barefoot Noblemen’: the Nayars as seen by the Venetians of the second half of the 16th century”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 4, pp. 38–54, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-4-38-54

«Здесь землю защищать от лиходеев / Наиры привилегию снискали. / При них всегда в знак доблести их ратной / Щит кожаный и тяжкий меч булатный. <...> И общими здесь жены пребывают / Для всех мужчин в семействе неизменно. / Сердца, что жгучей ревности не знают, / Нашли дорогу к радости блаженной!»¹ – такие сведения о южноиндийской воинской кастовой группе наяров вклю-

¹ Камознс Л., де. Лузиады; Сонеты / Пер. с португ. «Лузиады», вступ. ст. и коммент. О. Овчаренко; сост. раздела «Сонеты» Е. Голубевой, И. Хохловой; пер. с португ. В. Резниченко, В. Левика и др. М.: Худ. лит-ра, 1988. С. 229–230.

чил в свою рыцарско-колониальную эпическую поэму «Лузиады» Луиш ди Камознс (1524/1525–1580). Обычай и культура наяров оказались одними из специфических явлений индуистского социума юга Индостана, описание которых в XVI в. стало неперенным элементом всякого пространного сообщения европейца о делах в «Индиях». Первенство в формировании образа Южной и Юго-Восточной Азии среди европейцев принадлежало в этом столетии португальским чиновникам, дипломатам и историкам, но большой интерес к индийской торговле сохранял тогда же и конкурент Португалии – Венецианская республика. Настоящая статья посвящена описаниям наяров Кералы в двух пользовавшихся большой популярностью в Европе XVI–XVIII вв. травелогах венецианских купцов – Чезаре Федеричи (он же Чезаре деи Федричи, 1521–1601²) и Гаспаро Бальби (ок. 1550 – между 1621 и 1625³).

Структура любого иного общества конструировалась европейскими авторами Средневековья и раннего Нового времени по образцу и своего собственного социума, и феноменов родной для них книжной культуры. По словам С.И. Лучицкой, хронисты Первого крестового похода, в сочинениях которых мусульманские правители наделялись различными воображаемыми титулами, вроде «сатрапа», не соответствовавшими реальной политической иерархии исламского мира, «не могут помыслить политическую структуру мусульманского мира иначе, чем в терминах, унаследованных ими от их собственной культурной традиции» [Лучицкая 2001, с. 183]. Историописание Запада постоянно помещало «императоров» и «королей», «баронов» и «рыцарей», «священников» и «монахов» в общества Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Эти аналогии могли быть как достаточно точными, так и сугубо условными. Несмотря на наглядность подобных классификационных схем, они неизбежно таили в себе элемент искажения чужих социально-политических реалий.

Республика Св. Марка в XVI столетии оказалась в тени новой колониальной державы – Португалии. Венеция, хотя и составляла серьезную конкуренцию португальцам в торговле пряностями [Хазанов 2003, с. 243–244], не располагала колониальными владениями в акватории Индийского океана. Венецианские сообщения об Индии во второй половине XVI в. имеют большое значение для

² См.: *Tucci U. Federici Cesare* // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 1995. Vol. 45. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-federici_%28DizionarioBiografico%29/ (дата обращения 14.06.2023).

³ См.: *Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali* / A cura di O. Pinto. Roma: Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1962. P. XXVI–XXVIII.

реконструкции европейских представлений о Южной Азии, они содержат взгляд «со стороны» – взгляд европейцев-непортугальцев, не ставивших задач прославления португальских завоеваний. Обращение к образу наяров в травелогах венецианцев позволяет одновременно выявить специфику описания Индии в венецианской литературе раннего Нового времени, понять соотношение в данных источниках описательных трафаретов и деталей, почерпнутых авторами из опыта знакомства с повседневной жизнью дравидского Юга, а также глубже рассмотреть мировоззрение человека второго плана из крупнейшей морской республики Италии.

Биография любознательного и не всегда удачливого купца Чезаре Федеричи скудно освещена в источниках. Чезаре Федеричи, сын Джироламо, уроженец Эрбано (современный Эрбано), восемнадцать лет (1563–1581) провел на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии. Отчет о его торговых поездках и приключениях с обыкновенным для того времени длинным названием-пояснением «Путешествие мессера Чезаре деи Федеричи в Восточную Индию и за пределы Индии, в коем содержатся занимательные явления обрядов и обычаев тех стран, а также описываются пряности, снадобья, драгоценные камни и жемчуга, что из них вывозятся; с некоторыми полезнейшими предупреждениями тем, кто бы пожелал совершить такое путешествие»⁴, был опубликован в 1587 г. в Венеции. Травелог Федеричи, редактором которого выступил церковный писатель-моралист фра Бартоломео Диониджи да Фано, быстро завоевал известность в Венецианской республике и за ее пределами, в частности в елизаветинской Англии, где уже в 1588 г. вышел его перевод⁵. Весьма вероятно, что именно фра Бартоломео не допустил к публикации ряд «непристойных», на его взгляд, сюжетов травелога.

У Федеричи вскоре нашелся талантливый подражатель с не менее насыщенным опытом странствий. В Венеции в 1590 г. была опубликована книга его младшего современника «Путешествие в Восточные Индии Гаспаро Бальби, ювелира венецианского, в коем содержатся сведения, сколько он в упомянутом путешествии повидал на протяжении девяти лет, проведенных в нем с 1579 и до 1588 г. С сообщением о пошлинах, мерах и весах во всех городах, посещенных в том путешествии, и о правлении короля Пегу,

⁴ *Federici C. Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell'India Orientale & oltra l'India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi, Et insieme si descriveno le spetiarie, droghe, gioie et perle che d'essi si cavano. Con alcuni avvertimenti utilissimi a quelli che tal viaggio volessero fare.* Venetia: Andrea Muschio, 1587. 174 p.

⁵ См.: *Tucci U. Federici Cesare. Op. cit.*

и о войнах, которые он вел с другими королями – Авы и Сиона [Сиама]»⁶. Фактов о жизни Гаспаро Бальби, сына Джованни, известно еще меньше, нежели о Федеричи. Как и Федеричи, свои торговые поездки по Востоку Бальби начал с османской территории, затем ему удалось побывать за почти десять лет во многих государствах Индии и Юго-Восточной Азии, главным образом – в Бирме⁷.

Труд Бальби содержал немало фрагментов, взятых из сочинения Федеричи с минимальными изменениями. Их травелоги сходны по структуре, основной единицей описания и у того, и у другого купца был город. Однако нет оснований видеть в его отчете плагиат и сомневаться в подлинности пребывания автора в описанных им странах, многие подробности, сообщенные им, вполне уникальны. Х.-П. Рубьес полагает, что причина частого копирования *post factum* чужих сведений даже таким бывалым путешественником, как Бальби, лежала в целеполагании травелога как консервативного жанра: совпадение сведений подтверждало в глазах читателя достоверность данных сочинений [Rubiés 2000, p. 105]. Травелоги раннего Нового времени в жанровой специфике нередко сочетали строгое маршрутное описание, мемуары и интересное чтение о дальних странах, изобилующее чудесами и баснословными богатствами, и в целом могут рассматриваться как тексты смешанного жанра [Ванерjee 2021, p. 2]. К сочинениям Федеричи и Бальби это относится в полной мере.

В историографии труды двух венецианцев пользуются меньшим вниманием, чем близкие им по времени португальские сочинения. Критическое издание травелогов Федеричи и Бальби под редакцией О. Пинто вышло в 1962 г.⁸ Х.-П. Рубьес утверждает, что отчет Федеричи в тех разделах, где автор давал экскурсии в прошлое посещенных им городов и стран, был проникнут идеей историчности [Rubiés 2000, pp. 304–306]. Жанровые особенности травелога Бальби подробно рассматривает А. Стаццоне [Stazzone 2013]. Как подчеркивает А. Стаццоне, даже поездка Бальби в Пегу, включавшая аудиенцию у бирманского короля Нандабайина, носила явно

⁶ *Balbi G. Viaggio dell'Indie orientali, di Gasparo Balbi, gioielliero venetiano: nel quale si contiene quanto egli in detto viaggio ha veduto pero lo spatio di 9. anni consumati in esso dal 1579. fino al 1588. Con la relatione de i datij, pesi, & misure di tutte le città di tal viaggio, & del gouerno del re del Pegu, & delle guerre fatte da lui con altri re d'Auuà & di Sion. Venetia: Appresso Camillo Borgominieri, 1590. 318 p.*

⁷ См.: *Tucci U. Balbi Gasparo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1963. Vol. 5. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/gasparo-balbi_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения 8.06.2023).*

⁸ *Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali...*

коммерческий, а не дипломатический характер, как можно было бы подумать [Stazzone 2013]. При этом Федеричи и Бальби собрали достаточно сведений, которые оказались ценны для властей «Светлейшей Синьории».

В Кочине, важном торговом центре юга Малабарского берега с давними связями с Китаем и Юго-Восточной Азией, оба путешественника бывали неоднократно. И Федеричи, и Бальби, руководствуясь традиционной схемой, делили народы Востока по религиозному принципу на «мавров» (Mori), мусульман, и «язычников» (Gentili), индуистов, буддистов и вообще всех последователей неавраамических религиозных систем.

Характерной особенностью наярских джати являются матрилинейный счет родства и дислокальный брак, в силу чего ребенок традиционно наследует принадлежность к джати и клану матери и дяди с материнской стороны [Успенская 2010, с. 264]. Наярские женщины и их наемные работники занимались полями и урожаями, мужчины – их охраной и приумножением земельных владений, а также поддержанием традиции боевых искусств *каларипаятту* в специальных лагерях и школах; ныне эта древняя общность насчитывает 131 джати [Успенская 2010, с. 402–403]. Представление об этих обычаях становится значимым описательным элементом в европейских сочинениях, сообщавших о Южной Индии, уже в позднее Средневековье и затем было унаследовано и развито западной описательной географией в Новое время. Авторы XIV–XV вв. помещали новые сведения о Южной Азии в контекст «чудес Индии». Миссионер-доминиканец и епископ Журден де Северак в «Описании чудес» (1329) писал о системе наследования у монархов и знати «Великой Индии», к которой относил Южную Индию и Юго-Восточную Азию: «Наследство переходит только к сыновьям сестер, ибо говорят здесь так: можно ли поручиться, что сыновья рождены от своего отца, – ведь жены и наложницы могут понести от других, но дети сестры всегда своей крови, и кем бы ни был их отец, ясно, что вышло дитя из сестринского чрева»⁹. Речь здесь, вполне вероятно, шла о наярской традиции, хотя матрилокальность и передача линии по племяннику распространены в Керале не только у наяров, но и у ряда каст, занимающих положение ниже наяров, в частности ежава и тийя.

Купец из Венецианской республики, уроженец Кюджи Никколо деи Конти, посетивший Южную и Юго-Восточную Азию

⁹ Журден де Северак. Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей // После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий / Пер. с лат. и староит. яз. Я.М. Света. М.: Наука, 1968. С. 148.

в 1410–1430-е гг., отмечал полиандрию и дислокальные браки как особенность «морского города» Каликута (*Collicuthia*, Кожикод), не упоминая при этом названия практиковавшей их группы. В записи отчета Конти папский секретарь и гуманист Поджо Браччолини поведал со слов путешественника следующее: «Затем он <Никколо> взял путь в Колликутию, морской город окружностью в восемь миль, знаменитый порт всей Индии, перцем, лаком, имбирем, плотной корицей, алычой и куркумой обильный. Женщины лишь здесь в этой области берут себе многих мужей, согласно своему желанию, так что могут иметь десять и более мужей сообразно своему сладострастию. Они меж собой распределяют, когда каждый из них сойдется с женой. Кто приходит к женщине (ведь у нее отдельный дом), оставляет у входа знак, увидев который иной человек, пришедший к этой женщине, уходит. Дети передаются мужьям по решению жены, и не они наследуют имущество отцов, а племянники»¹⁰.

С начала XVI в. образ наяров в трудах итальянцев и португальцев становился гораздо более детальным и одновременно целостным, включавшим стабильный набор фиксированных характеристик. В отчете о путешествии по Востоку Лудовико ди Вартемы из Болоньи (1510) наяры (*Naeri*) явно обозначены как группа, аналогичная европейскому дворянству по статусу и функциям. Ди Вартема упоминал наяров не только в Каликуте, но и в Канноре (Каннур), отмечал, что наяры ходили босиком и почти нагими. Про Каннур болонец сообщал: «Король сей земли имеет пятьдесят тысяч наэров, то есть дворян (*gentilhomini*), которые используют в бою мечи, круглые щиты (*rotelle*), копья, луки и артиллерию»¹¹.

Весьма подробное описание наяров появилось в первой четверти XVI в. в трудах португальских авторов: «Восточной сумме» (1515) аптекаря Томе Пиреша и так называемой «Книге Дуарте Барбозы» (ок. 1518) колониального чиновника и переводчика Дуарте Барбозы, впоследствии – спутника Магеллана. В португальских источниках наяры назывались знатными воинами, подчеркивались их рыцарственный нрав и брачные обычаи, предполагавшие связи женщины с несколькими мужчинами. Пиреш утверждал, что

¹⁰ *Poggii Bracciolini Florentini. Historiae de varietate fortunae libri quatuor.* P.: Constelier, 1723. P. 138.

¹¹ *Ludovico de Varthema. Itinerario de Ludovico de Varthema Bolognese nello Egitto, nella Soria, nella Arabia deserta, & felice, & nella Persia, nella India, & nella Ethyopia. Le fede el vivere, & costumi delle presate provincie. Et al presente agiontovi alcune isole nuovamente trovate.* Venezia: Matteo Pagano, 1550. 107 p.

наяры Малабара всегда были верны своим королям и никогда не предавали их¹². Далее он сообщал: «Ни у кого из наяров нет ни отца, ни сына. Чем больше любовников у наярской женщины, тем выше ее положение»¹³. Барбоза подчеркивал строгую взаимность обязательств короля и его вассалов-наяров, проводил аналогии между брахманами и наярами и соответственно европейским духовенством и светской знатью. Он также, поведав о независимом нраве наярских женщин и о наярских традициях группового брака, включая союзы наярок с брахманами, передавал поверье, согласно которому каждая женщина из наяров, которая умирает девственницей, оказывается проклятой¹⁴.

Групповой дислокальный брак стал неперенным элементом описания наярских обычаев португальцами. Официальный историк лиссабонского двора Жуан ди Барруш (1496–1570) также включил сведения о наярах (Naires) в монументальный труд «Декады Азии», отмечая, в частности, что женщина «наирской крови» уже с десятилетнего возраста может позволить заходить в свой дом сколь угодно многим наярам, а также брахманам¹⁵. Ставшие стереотипными в португальском нарративе сведения о наярах использовал и Камознс.

Венецианцы XVI в. в Индии следовали в основном маршрутами, находившимися под контролем португальцев, останавливались в португальских колониальных городах и крепостях, включая Гоа, и на восприятие индийских реалий венецианскими купцами неизбежно оказывали представления о них португальских чиновников, торговцев и моряков. Ко времени путешествий купцов Федеричи и Балби уже вполне оформился описательный трафарет наяров в западноевропейских источниках. В травелогах Федеричи и Балби описания наяров (Nairi) имели привязку к Кочину, в котором оба купца побывали и провели достаточно времени, чтобы ознако-

¹² См.: The Suma Oriental of Tomé Pires: an Account of the East from the Red Sea to Japan, Written in Malacca and India in 1512–1515; and The Book of Francisco Rodrigues, Rutter of a Voyage in the Red Sea, Nautical Rules, Almanack and Maps Written and Drawn in the East before 1515 / Transl. from the Portuguese MS in the Bibliotheque de la Chambre des Deputes, Paris, and ed. by A. Cortesão. In 2 vols. L.: The Hakluyt Society, 1944. Vol. 1. P. 67.

¹³ Ibid. P. 71.

¹⁴ См.: *Barbosa D.* Livro em que dá relação do que viu e ouviu no Oriente / Introd. e notas de A. Reis Machado. Lisboa: Agência Geral das Colónias, 1946. P. 147.

¹⁵ См.: *João de Barros.* Decada primeirada Asia de João de Barros. Dos feitos que os portugueses fizeram no descobrimento & conquista dos mares & terras do Oriente. Lisboa: Impressa per J. Rodriguez, 1628. P. 183.

миться с особенностями его повседневной жизни. Труд Федеричи во многом следовал португальскому взгляду на расклад сил в регионе, в его травелог враждебный португальцам на момент его путешествия Кожикод противопоставляется союзному им Кочину.

Про правителя Кожикод венецианец сообщал следующее: «Это все – земля разбойников, подвластная королю Каликута, королю языческому (Re Gentile) и лютomu врагу португальцев, с которыми он вечно воюет, а также гнездо и убежище для всех иноземных разбойников, что зовутся маврами Карапудзы (Mori di Carapuza), потому что носят вытянутую красную шапку, и эти разбойники отдают часть своей добычи на море королю Каликута, а он разрешает отправляться в пиратский поход любому, кто этого захочет, так что на том берегу много корсаров»¹⁶.

По мнению О. Пинто, мусульманские корсары на каликутской службе именовались в травелог купца «маврами Карапудзы», вследствие, во-первых, путаницы, ведь «красная голова» по-тюркски – «кызылбаш», а «карабаш», от чего, скорее всего, и пошло приводимое у путешественника общее название пиратских банд в Кожикод, – это «черная голова», а во-вторых, полученных автором некоторых сведений о кызылбашах, составлявших во времена его путешествия основу войска и главную опору трона в Сефевидском государстве¹⁷. Одевание кызылбашских племен включало чалму из 12 складок (в честь 12 имамов), обернутых вокруг высокой конусообразной фетровой шапки, от которой пошло их название – «красноголовые» [Базиленко 2010, с. 158]. Связь образа кровавого пирата-иноверца с исламским миром была традиционна для европейской культуры Средневековья и Нового времени. В идеологии Венецианской республики образы пирата как врага и врага как пирата веками занимали весомое место. Так, Раффаино Карезини (ок. 1314–1390), великий канцелярий Республики и хронист, писал, что венецианцы «во имя веры католической, во имя всеобщей сохранности и свободы против турок и пиратов должными средствами оберегают море»¹⁸.

С описанием Кожикод как гнезда свирепых бандитов контрастировал рассказ о Кочине, где с центром богатого индуистского государства соседствовала мощная португальская крепость: «Король Кокина (Cochin) – король языческий (Re Gentile), очень дружественный по отношению к королю португальскому и верный

¹⁶ *Federici C. Op. cit. P. 52–53.*

¹⁷ *Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali. P. 262.*

¹⁸ См.: *Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti* / ed. L.A. Muratorius // *Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani: Ex typographia Societatis Palatinae in regia curia, 1728. T. 12. Col. 436.*

ему, и дружественный к португальским горожанам, которые проживают в Кокине Португальском, будучи женатыми, а этим именем португальцев зовутся в Индии все христиане, что с запада прибывают, будь то итальянцы, или французы, или немцы»¹⁹.

Под женатыми португальцами, несомненно, подразумевались обладатели статуса казату (*casado*, букв. «женатый»), игравшие важную роль в функционировании португальской колониальной системы. Большинство португальцев, прибывавших в колонию, были солдатами, после женитьбы, как правило, на азиатской женщине португалец, осевший в колониальном городе, становился казату и занимался преимущественно морской торговлей, а в случае успеха в ней мог рассчитывать на покупку должности в колониальном аппарате [Хазанов 2003, с. 242]. По всей видимости, португалец-казату был наиболее обычным для венецианских купцов партнером и собеседником в портах Индии, и в их среде купцы могли почерпнуть многие представления об обществах Южной Азии.

О наярах короля Кочина Федеричи сообщал следующее: «У короля большое число амоков (*Amochi*), которые представляют собой его дворян (*gentil'huomini*) и также именуются наирами. Они совершенно не ценят жизнь, напротив, находясь на службе у короля или защищая его честь, подвергают свою жизнь всяким опасностям, даже будучи уверенными, что погибнут. Эти люди ходят нагими по пояс, подпоясавшись куском ткани и продев его между ног, и босиком, у них длинные волосы, которые собираются в пучок на макушке, и они всегда носят с собой обнаженный меч и круглый щит (*rotella*)»²⁰.

Остается открытым вопрос, почему в качестве синонима наяров купец использовал слово «амоки» и имеет ли оно связь с амоком, сложным этнопсихологическим явлением мира Нусантары. Во всяком случае, переключка с малайско-индонезийскими сюжетами травелога здесь напрямую не прослеживается: рассказывая о своем пребывании в португальской Малакке или о султанате Аче, грозном противнике португальцев в Юго-Восточной Азии, Федеричи не сообщал об амоке. Однако, возможно, сам путешественник решил вернуть экзотическое слово, почерпнутое им, вероятно, у португальцев в Малакке или, во всяком случае, в ней бывавших, в рассказ о совершенно ином регионе, чтобы подчеркнуть безоглядную храбрость воинов. Одновременно как Кожикоду и Кочин противопоставлялись друг другу, так и «мавританские» корсары противопоставлялись благородным воинам

¹⁹ См.: *Federici C.* Op. cit. P. 55.

²⁰ Ibid. P. 56–57.

кочинского короля, служащими ему не за возможность пограбить, но верой и правдой.

Согласно описанию купца, у наяров были общие жены, жившие отдельно от мужчин: «У этих наиров общие между собою женщины, и когда один из них входит в дом одной из этих женщин, то оставляет возле входа на улице свои меч и щит, и, покуда там стоят те меч и щит, никто не осмелится войти в дом.

Сыновья короля не наследуют его королевство, поскольку есть мнение, что они могут быть потомством не его, а другого человека; признают следующим королем сына сестры короля или другой дамы королевского рода, ведь, как они говорят, те-то уж наверняка королевской крови.

Наиры и их женщины по обычаю для изящества делают себе огромные дыры в ушах, да такие, что, кажется, невозможно этому верить, а считаются более знатными те, у кого дыры больше»²¹.

Особый интерес проявил купец к манипуляциям наяров с ушами. Он писал, что уши оттягивались с помощью металлических грузил, а один наяр (возможно, покупатель товара у венецианца) позволил ему измерить отверстие в своем ухе с помощью нити, и размер отверстия оказался таков, что в него можно было бы продеть руку в одежде²².

Сообщения Гаспаро Бальби о наярах в ряде моментов перекликаются со свидетельствами Федеричи, в частности, как и его старший современник, Бальби связывал эту группу с Кочином, однако его отчет отражает и вполне самостоятельные наблюдения ювелира. Подобно Федеричи, Бальби видел в кочинском короле «брата по оружию короля Португалии»²³. Гаспаро Бальби описал служивших королю Кочина «дворян, которые именуются наирами и очень верны королю, а ходят всегда нагими по пояс и босыми», как и их женщины²⁴. Выше наяров и самого короля в обществе Кочина стояли, согласно описанию Бальби, брахманы (Bramini), которые, по его словам, лишали девственности женщин королевства, начиная с супруги правителя: «Водится обычай у короля, а также у его подданных отдавать на лишение девственности своих жен неким из тех, кто зовется браминами, которые обладают величайшей вольностью заходить во всякий дом – сперва к королю, а потом и к прочим людям, где им позволено беседовать с женщинами, как у себя дома, и даже мужья и братья, когда они находятся дома с женами и сестрами своими, уступают браминам свое место и выходят из

²¹ Ibid. P. 57.

²² Ibid. P. 57–58.

²³ Balbi G. Op. cit. P. 75.

²⁴ Ibid.

дома, потому что считают браминов святыми людьми и учат этих женщин их закону, посему родственники остаются довольны, что брамины разговаривают с их женщинами»²⁵. Бальби, похоже, приглашал читателя, падкого на детали нездешней жизни, домыслить, что в действительности могло происходить между брахманом и женщинами из небрахманской семьи. Характеристика наярских брачных обычаев в общих чертах совпадала с сообщениями Федеричи²⁶. «Странный» обычай проделывания отверстий в ушах, по мнению ювелира, практиковавшийся наярскими мужчинами не меньше, чем женщинами, из эстетических соображений, также нашел отражение в его травелог²⁷.

Путешественники Нового времени унаследовали от своих средневековых предшественников стремление классифицировать увиденные явления, осмыслив их в знакомых категориях. Бальби стремился систематизировать сведения об устройстве кочинского общества, в котором наярам он отводил место, аналогичное западной светской знати. Примерный аналог католического духовенства для Бальби – брахманы, однако в описании Нагапаттинама (Negapatan) он постарался определить, кто такие йогины, или джоги (Gioghi), указав, что они, «как у нас – монахи или священники» (i Frati ò i Preti²⁸). Этнокультурное разнообразие джати и других социальных групп было для европейского наблюдателя того времени проблемой, которую лишь отчасти можно было решить через использование привычных ему категорий. Бальби, похоже, хорошо осознавал условность их применения к иным реалиям. Общество Кочина в 1586 г. купец описывал так: «В этом городе есть некоторые брамины (Bramini), по-нашему – их священники, которые имеют власть вступать в плотскую связь со всеми женщинами, как с замужними, так и с девицами на выданье, как с королевами и их дочерьями, так и с прочими подданными, поэтому и не сыновья короля наследуют королевство, но один из сыновей сестры короля.

В этом королевстве Кокки (Regno di Cocchi) существуют два рода людей (sorti di genti): одни зовутся наирами (Nairi), т. е. знать и гранды королевства (i nobili, & i grandi del regno), а другие – пулия (Pulia), т. е. простонародье (plebe), и если пулия встретит, идя по дороге, наира, то немедленно оказывает ему почтение, уступив место на пути, считая себя недостойным ни следовать вблизи упомянутых наиров, ни проходить мимо них. Если же кто-то из тех

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. P. 76.

²⁸ Ibid. P. 83.

пулий случайно пройдет по дороге и не увидит наира, то тот криком дает ему знать об этом, дабы он уступил путь, как тот незамедлительно и поступает.

Наиры спереди надевают лишь один кусок ткани, а остальные части тела оставляют нагими и ходят босыми с обнаженными и блестящими мечами и круглыми щитами, очень красивыми и сделанными лучше, чем наши. Некоторые из них покрывают головы шляпой из войлока (*feltro*), а некоторые – шапочками, но многие другие ничего на голове не носят, кроме длинных волос, добротного уложенных.

Их короли еще носили шляпы на португальский манер. Король Паруты²⁹ (*Paruta*) носил длинные волосы цвета золота. А тот, кто царствовал в Кокки, помимо белокурых волос, носил шляпу из ярко-красного бархата, сделанную на португальский манер. А ездил каждый из них верхом на слоне»³⁰.

Фактически купец сводил социальную структуру современного ему Кочина, в действительности куда более разнообразную и дробную, всего к трем слоям, изображенным им (скорее ради наглядности и в силу следования португальскому описательному трафарету) как вполне однородные: брахманам, наярам и «простонародью». Название последних – *Pulia* – восходит, скорее всего, к *пулая* (*Pulayan*), одной из многих «неприкасаемых» каст юга [Успенская 2010, с. 368]. Нетрудно увидеть здесь, как в португальских сочинениях, отражение утвердившейся в книжной традиции Запада с XI в. иерархической схемы трифункциональности общества, состоявшего из «молящихся», «сражающихся» и «трудящихся». Младший современник «героев» настоящего очерка видный парижский юрист Шарль Луазо в 1610 г. писал: «Одни особо посвятили себя служению Богу; другие – охранению государства силой оружия; третьи – прокормлению и поддержанию его мирными занятиями. Это и есть наши три порядка, или основные сословия Франции – Духовенство, Дворянство и Третье Сословие» [Дюби 2000, с. 11]. По замечанию Ж. Дюби, для Луазо «трифункциональность сама собой разумеется» [Дюби 2000, с. 12]. У Бальби короли, ассоциируемые им со светской знатью, не отграничены от группы наяров. Хотя в Керале было немало княжеств, управляемых династиями из брахманов намбудури, в частности Парур [Корнеева 2016, с. 118].

Брахманы юга Малабара, фигурирующие в отчетах путешественников и практикующие гипергамные браки с наярскими женщинами, – это представители брахманской группы намбудури,

²⁹ По-видимому, речь шла о государстве Парур. См.: *Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali*. P. 360.

³⁰ *Balbi G. Op. cit.* P. 137.

исторически очень разнообразной и традиционно поддерживающей высокий уровень санскритской образованности. Браки мужчин-набудури и наярских женщин престижны для последних и являются предметом гордости для детей от их союза, однако имеют множество строгих ограничений: в частности, дети, наследующие наярский статус матери, не имеют права ни есть вместе с отцом, ни прикасаться к нему в дневное время [Корнеева 2016, с. 118–119; Успенская 2010, с. 404–405]. Носителями древней воинской культуры в Керале были не только наяры. Среди набудури выделяется сообщество воинов чаттира, прославившихся не только боевыми искусствами (в первую очередь – владением мечом и кинжалом), но и сочинением любовных песен о прекрасных женщинах [Корнеева 2016, с. 119–120]. В действительности каждая из этносоциальных групп Кералы, описанная европейскими наблюдателями того времени, включая и Бальби, соответствовала даваемой ей на западный манер социальной классификации лишь по очень ограниченному набору признаков. В целом же приписанный наблюдателем статус оказывался воображаемым: набудури – такие же «священники», как наяры – «дворяне».

Ювелир Бальби по достоинству оценил искусство изготовления наярских круглых щитов. В устах ювелира из Венецианской республики, гордившейся качеством работы своих оружейников, такая оценка работы кочинских ремесленников, несомненно, была высшей похвалой. Наблюдательный Бальби не упустил из виду распространение новых веяний аристократической моды в Южной Индии, в которых прослеживалось португальское влияние, пусть и ограниченное. Необычные для дравидских народов белокурые волосы раджей, отмеченные купцом, скорее всего, были окрашенными.

Слово «амокки» (Amocchi) у Бальби упоминалось, однако, в отличие от травелога Федеричи, связывалось не с наярами, а с яванцами (Chiavi): так именовались «люди, которые, устав от жизни, бросаются с одним своим оружием в руках, которое называют клиссе (clisse, крис), и убивают столько людей, скольким случится попасть им в руки, пока сами не будут убиты»³¹. Здесь явление амока, как и кинжал крис, важнейшее для народов Нусантары оружие, имело вполне правильную этнокультурную привязку. Бальби, по-видимому, лучше, чем Федеричи, разбирался в холодном оружии и явно не мог спутать длинный наярский меч и короткий изящный крис.

В целом наиболее стабильными характеристиками, входившими в европейские описания наяров XVI в., были их «дворян-

³¹ Ibid. P. 90.

ский» статус, меч и круглый щит, а также дислокальный брак. Все эти детали присутствовали в сообщениях о наярках в травелогах Чезаре Федеричи и Гаспаро Бальби. Акцент на постоянно босых ногах благородных воинов, по-видимому, отражал удивление европейских наблюдателей: на Западе босые ноги ассоциировались не со знатью, а с крестьянами или же с религиозной аскезой (у францисканцев, к примеру). При этом почти нагие, на взгляд итальянцев, воины, как и их дамы, весьма заботились о своем внешнем виде. То, что наярки обходились без доспехов, в глазах путешественников скорее свидетельствовало в пользу их отваги и презрения к смерти.

Свидетельства Федеричи и Бальби о наярках не были механическим заимствованием португальских сообщений о них и содержали ряд уникальных подробностей. В отчете Федеричи описание наярков включало краткое упоминание о личном общении купца с представителем этой группы. Оба венецианца отводили сообщениям о наярках место в описаниях Кочина. В их травелогах образ наярков пусть и исполнен курьезов (в травелог Бальби «скабрёзных» подробностей больше), но в основном положительный. Кочинские наярки воспринимались как верные своему государю воины, способные противостоять противникам Португалии, которыми в основном были мусульманские державы – деканские султанаты и Аче. Сама же группа наярков представлена практически монолитной. У Бальби особенно четко прослеживается стремление поместить наярков в стереотипную для Запада трехчастную социальную схему. Хотя в реальности и намбудири, и наярки только по некоторым критериям соответствовали сословным статусам на европейский лад, которые старались приписать им европейские авторы XVI в.

Литература

- Базиленко 2010 – Базиленко И.В. Особенности эволюции религиозно-философской доктрины шиизма в историко-культурном пространстве мусульманского Востока // Христианское чтение. 2010. № 1 (32). С. 154–173.
- Дюби 2000 – Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
- Корнеева 2016 – Корнеева Н.А. Брахманы намбудири: некоторые особенности традиции передачи ведийских текстов // Ya evam veda... Кто так знает... Памяти Владимира Николаевича Романова / Под ред. И.С. Смирнова; отв. ред., сост. Н.Ю. Чалисова, Н.В. Александрова, М.А. Русанов. М.: РГГУ,

2016. С. 115–132. (*Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности; вып. 61)
- Лучицкая 2001 – Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.
- Успенская 2010 – Успенская Е.Н. Антропология индийской касты. СПб.: Наука, 2010. 558 с.
- Хазанов 2003 – Хазанов А.М. Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). М.: РАО-Университет, 2003. 320 с.
- Banerjee 2021 – Banerjee R. *India in Early Modern English travel writings: Protestantism, enlightenment, and toleration*. Leiden: Brill, 2021. 288 p.
- Rubiés 2000 – Rubiés J.-P. *Travel and ethnology in the Renaissance: South India through European eyes, 1250–1625*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 472 p.
- Stazzone 2013 – Stazzone A. *Era da Venetia et haveva nome Gasparo Balbi*. Traduire en français le *Viaggio dell'Indie Orientali* de Gasparo Balbi // *Cahiers d'études italiennes*. 2013. No. 17. P. 143–165. URL: <http://journals.openedition.org/cei/1411> (дата обращения 20.06.2023).

References

- Banerjee, R. (2021), *India in Early Modern English travel writings: Protestantism, enlightenment, and toleration*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Bazilenko, I.V. (2010), “Particularities of the evolution of Shia religious and philosophical doctrine in the Muslim historical and cultural space”, *Khristianskoe chtenie*, no. 1, pp. 154–173.
- Duby, G. (2000), *Trehkhchastnaya model', ili Predstavleniya srednevekovogo obshchestva o sebe samom* [The three orders: Feudal society imagined], Iazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Khazanov, A.M. (2003), *Portugaliya i musul'manskii mir (XV–XVI vv.)* [Portugal and the Muslim world (15th – 16th centuries)], RAO-Universitet, Moscow, Russia.
- Korneeva, N.A. (2016), “The Nambudiri Brahmins: Some peculiarities of Vedic texts transmission”, in Smirnov, I.S. (ed.), *Ya evam veda... Kto tak znaet... Pamyati Vladimira Nikolaevicha Romanova* [Ya evam veda... Who knows such... In memoriam Vladimir Nikolayevich Romanov], RGGU, Moscow, Russia, pp. 115–132. (*Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti*; vyp. 61)
- Luchitskaya, S.I. (2001), *Obraz Drugogo: musul'mane v khronikakh krestovykh pokhodo* [Image of the Other: the Muslims in the Crusade Chronicles], Aleteya, Saint Petersburg, Russia.
- Rubiés, J.-P. (2000), *Travel and ethnology in the Renaissance: South India through European eyes, 1250–1625*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Stazzone, A. (2013), “Era da Venetia et haveva nome Gasparo Balbi. Traduire en français le *Viaggio dell'Indie Orientali* de Gasparo Balbi”, *Cahiers d'études*

italiennes, no. 17, pp. 143–165, available at: <http://journals.openedition.org/cei/1411> (Accessed 20 June 2023).

Uspenskaya, E.N. (2010), *Antropologiya indiiskoi kasty* [Anthropology of Indian caste], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий В. Возчиков, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; Россия, Екатеринбург, 620000, ул. Тургенева, д. 4; catullus89@mail.ru

Information about the author

Dmitrii V. Vozchikov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; 4, Turgeneva St., Yekaterinburg, 620000, Russia; catullus89@mail.ru